

ЮНОШЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Вы видели, чтоб чайку приручили?
Как попугая, в клетку заключили
И глупостям каким-то научили...
Я никогда такого не встречал.

Она погибнет в комнатной теплице.
Ей без свободы гибель на земле.
Без волн и солнца тесно этой птице,
Без ветра на сверкающем крыле.

Кандалакша

* * *

В этом мире хорошо и плохо,
В этом мире грустно и светло.
Но какая б ни была эпоха,
А зимой за окнами бело.

Снег идет так чисто, благодатно,
Делает пушистым все кругом,
Черные закрашивает пятна,
На стекло садится мотыльком.

Снежный воздух радостен для внучки!
Мы пойдем по снегу погулять.
«Дедушка, возьми меня на ручки».
Снег, Россия, внучка – благодать!

Геннадий Викторович ИВАНОВ, поэт, общественный деятель, первый секретарь Союза писателей России. Родился в 1950 году в г. Бежецке Тверской области. Окончил литературный институт им. А.М. Горького. Лауреат многих литературных премий.

Живёт в Москве.

К СВОЕМУ 70-ЛЕТИЮ

Телега жизни – это прежде было,
Теперь кругом летящие авто.
Всё так летит стремительно и мило,
Что не заметишь, как проскочишь 100.

Уже десятков много лет за дверью.
Они летят пургой по январю...
Да, Станиславский говорил: «Не верю!»
Ну вот и я «Не верю!» говорю...

* * *

Все истины, конечно же, избиты.
Но не убиты, не убиты, нет.
Они живут, у них свои орбиты,
И в старости к ним тянется поэт.

Пусть кто-то скажет: это всё трюизмы,
Все истины банальны, дважды два...
Но ты в них видишь явную харизму,
Когда твоя седеет голова.

Тогда ты их свежо воспринимаешь.
У них свои орбиты и пути...
И ты всё чаще грустно поминаешь,
Что жизнь прожить – не поле перейти.

ВИДЕНИЕ

«Неси, Лукерья, луковые перья.
Неси, Настасья, хвосты караси.
Неси, Арина, яйца курины.
Неси, Маруся, жареного гуся.
А ты, Серафима, позови Трофима,
Петра да Анатолия,
Зови их для застолія...»

...

Глаза открываю:
Никого-то нет.
Где стояли избы –
Пусто много лет.

Вот дела какие,
Какой керогаз.
А престольный праздник
Троица у нас...

* * *

Меня упрекнули, зачем я молюсь
в стихах и надеюсь на Бога...
И требуют звать к топору нашу Русь.
Молиться, мол, это убого.
Мол, надо бороться, и надо свергать,
и надо вернуть, мол, Советы...
А после Советы порушить опять?
Нет, люди всегда будут много роптать
и требовать то или это свергать...
Вопросы у нас, а у Бога ответы

* * *

Сегодня плюс сорок. Иерусалим
Безоблачным небом нещадно палим.
К святыням склоняются тысячи спин,
И с ними сегодня писатель Крупин.
Святая Земля! Всё святое кругом.
Ботинки он снял и пошёл босиком.
Двенадцатый раз в этом граде Крупин,
Он любит везде побывать здесь один.
В Иерусалиме двенадцатый раз!
Он светится весь, убегая от нас.

ПАМЯТИ ГЕННАДИЯ ФРОЛОВА

Друг мой, друг...Ты жизнью тяготился
где-то лет, пожалуй, с тридцати.
Ты молился, искренне постился,
ты провидел горние пути.

Ты теперь на тех путях-дорогах
к вечной жизни Богом приобщён...
В мире горнем, милостивом, строгом
ты, наверно, понят и прощён.

Я не знаю, я предполагаю.
Я и сам вопросами томлюсь.
Я и сам на милость уповаю...
О душе молюсь.

«Пил чай с оранжевым вареньем...» –
написал ты в восемнадцать лет.
Счастлив я твоим стихотвореньем...
С юности ты истинный поэт.

Чай с вареньем пьём и вспоминаем...
Всё прошло, как не было, прошло.
Но ты как живой за нашим чаем.
Помним, любим
ясно и светло.

Вижу я тебя в домашнем кресле.
Слышу стихотворный твой напев.
Ты сказал однажды, что воскресли
Мы, ещё родиться не успев.

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МУСТАЯ КАРИМА

Под переклики осенних стай
В полях, где аулы, деревни,
Земля в округе вздохнёт: «Мустай...»,
Качнутся деревья.

Река вздохнёт, он любил реку.
В его день рождения
Поэт молодой прошепчет строку
Мустая – и обретёт вдохновенье.

Обычный в мире осенний день.
Но здесь, на земле Мустая,
Он будет всегда, как прекрасный олень,
Проходить, благородством блистая.

И будет ли дождь, или даже снег,
Но здесь, на земле Поэта,
Запечатлён этот день навек
Как день чудесного света!

Под переклики последних стай
В полях, где аулы, деревни,
Земля в округе вздохнёт: «Мустай...»,
Качнутся его деревья.

ЧИТАЯ «МОЛИТВЫ И ПЕСНИ»

Стихи Магомеда Ахмедова
Читал я сегодня весь день.
Мне стало казаться, что горы
Меня обступают кругом.

Я так, Магомед, погрузился
В твои размышленья, в молитвы,
В твои письма погрузился
И в песни земные твои,

Что начал завидовать даже
Любви твоей искренней, чистой
К родному аварскому краю,
И к матери, и к небесам...

«Где просто, там ангелов до ста», –
Святые отцы говорили.
Но как-то мы всё усложнили –
И нет у нас чистой любви.

А вот у тебя и у горцев
Она сохранилась, я вижу.
Поэтому свежестью дышат
И горы твои, и стихи.

В стихах твоих капли истока.
И хлеб первородства, и сила,
Которая Богом даётся
Восторженным людям земли.

* * *

В размагниченном времени мы пребываем сегодня.
Даже рифмы и те – словно россыпь древесных опилок...
Время как бы исчезло, ушло и оставило нас,
И повисли в пространстве безвольно понятия жизни.
Честь и правда, отчизна и счастье, и даже любовь
Не наполнены смыслом, а так, словно призраки, вьются...

То на Боге стоял этот мир, то на Мысли,
На Истории тоже стоял этот горестный мир.
А теперь их не стало, как будто их не было вовсе.
Можно верить во всё и не верить...И смысл не искать.
Можно так, можно эдак – и это зовётся *постправдой*...
Ничего нет святого, и всё виртуально теперь.

ИЗ ЧАРЕНЦА

Я целовал армянку молодую,
Смотрел в её открытые глаза.
В них жизнь моя неслась напропалую,
Кончалась в них глухая полоса!

Я был в таком отчаянье глубоком.
Казалось, вся тоска мне одному...
И потому податливый твой локон
Я целовал, как будто жизнь саму!

Ты поняла, армянка молодая,
Мою тоску, мою печаль в душе,
Которая, никак не излитая,
Томила, мучила и плакала уже...

Люблю тебя! Я всю тебя целую
И не хочу стихи теперь читать.
Нет, целовать, всю ночь. Напропалую!
И завтра – на прощанье – целовать!

В КРЫМУ

О, этот Крым – цветы и пальмы!
Роскошный край для забытья.
Всё, что нелепо и печально,
Почти не вспоминаю я.

Но вспоминаю: точно так же
Луны желтела полоса,
И на ночном спокойном пляже
Негромки были голоса.

Мы приходили с ней купаться,
Кидали гальку в тёмный вал –
И мокрые в песчинках пальцы
Я удивлённо целовал.

И чувство светлое, прямое
Уверенность давало нам:
Мы с ней мечтали жить у моря
И нежно верили мечтам.

И хоть у всех таких историй
Конец печален, но с тех пор
Люблю я ночь, и свет от моря,
И древний дремлющий Мисхор.

* * *

Что-то я суечусь и петляю...
Но сегодня притормозил.
По Тверскому бульвару гуляю,
Набираюсь возвышенных сил.

На душе тут заметно теплеет:
Всё, казалось бы, взято в полон –
Только русской поэзией веет
Выводящий на Пушкина склон.

* * *

Засверкали небесные пилы,
Топоры засверкали – и вот
Лёд распиленный тронулся к устью,
И расколотый тронулся лёд.

Ах, весна и стихи – это вечно!
Так и было и будет всегда.
И всегда будет мёртвые льдины
Уносить по теченью вода.

ТАЙНА СЛОВА

Сказал ты слово «коньячок»,
и мы попались на крючок –
и захотелось коньячку
в придачу к этому крючку.

Сказал бы слово «молочка»...
И избежали бы крючка.

